УДК 82

СИМВОЛИКА НАЗВАНИЯ РОМАНА А. ИВАНОВА «НЕНАСТЬЕ»

© 2017 г.

О.С. Сухих

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

ruslitxx@list.ru

Поступила в редакцию 25.05.2017

Рассматривается название романа А. Иванова «Ненастье» как информативный символический «код». Цель исследования – анализ смысловых граней образа Ненастья. В работе делается вывод о том, что этот образ несёт в себе различные символические смыслы: это жизненная «неустроенность» героев; недостижимость мечты; привычный порядок жизни; состояние безысходности, небытия; в то же время Ненастье – это и символ России. Эти смысловые грани образа Ненастья взаимосвязаны с важнейшими мотивами романа, взаимодействуют с образами главных героев и способствуют углублению их характеристики. Данная работа может быть использована в процессе преподавания литературы начала XXI века.

Ключевые слова: роман А. Иванова «Ненастье», символ, хронотоп, мотив, сюжет.

Заглавие как один из элементов структуры текста неизменно привлекает внимание литературоведов [1–4]. Название произведения изучается как момент «предпонимания» текста [5], как точка соприкосновения текста и внетекстовой действительности [6], как фреймовая структура [7]. Появляется всё больше исследований заголовочно-финальных комплексов отдельных произведений и циклов [8–10]. Название – элемент текста, с которого начинается выражение авторской интенции, поэтому нельзя не согласиться с тем, что заглавие становится для читателя «свёрнутым текстом» [11, с. 4], – в этом аспекте мы рассмотрим роман А. Иванова «Ненастье» (2015 г.), название которого даёт основание для различных его трактовок.

Ненастье в романе А. Иванова – образ, включающий в себя две составляющие: это и непогода, которая ассоциируется с трудным временем для героев, и пространственный локус – станция и дачный кооператив. Эти составляющие в контексте произведения сливаются воедино, создаётся **хронотоп Ненастья**. Этот ёмкий символический образ генерирует в себе разные смыслы, и они взаимосвязаны с важнейшими мотивами романа.

– Ненастье может быть понято как неблагоприятные бытовые обстоятельства, **неустроенность жизни** героев: прозябание, ограниченные материальные возможности, бесперспективность существования. Особенно это заметно в описании судьбы Танюши, которая привыкла к мысли о своей непутёвости, обречённости быть второсортной, недостойной внимания, как нечто привычное и второстепенное для всех окружающих. Мотив неустроенности жизни касается и Германа, о котором в первых же строках романа сказано, что его существование стало угнетающе «серым»: «Всё, что могло сбыться, у него уже сбылось, а чему не бывать – тому и не бывать» [12]. И именно это спокойное, бессобытийное «равновесие жизни» он стремится нарушить хотя бы с помощью преступления – ищет «выход из ненастья».

– Ненастье – **переживание потери, неудачи, недостижимости мечты**; причиной всего этого становится замкнутый круг обстоятельств: «Все герои нового романа Алексея Иванова носят ненастье в себе. Для одних персонажей ненастье – это война, намертво засевшая в душах: поэтому они продолжают воевать и “на гражданке” <...> А для кого-то – растоптанные мечты и отсутствие выхода из постоянного ненастья на душе» [13]. А. Иванов в интервью назвал Ненастье «экзистенциальной западнёй», и при этом важно иметь в виду, что для него «экзистенция – это острое переживание неких невозможностей жизни, границ бытия» [14].

– Ненастье – **привычный порядок заурядной жизни**, устоявшийся и в этом смысле надёжный, хотя и не приносящий счастья. Эта смысловая грань образа связана по большей части с фигурой Куделина, отца Танюши. Для него Ненастье всегда имело практический смысл: огород, дающий хотя бы малые, но доходы. Сначала он ездил туда лишь по принуждению жены и старшей дочери Ирины, потом – по привычке. А после гибели жены и Ирины в автокатастрофе он вдруг сам захотел уехать в Ненастье и даже стал жить там круглый год: ему казалось, что там он защищён от неожиданных поворотов жизненного пути, от потерь и катастроф: там всё знакомо и вечно одинако-

во. Имеет ли такая жизнь смысл – подобный вопрос не приходит в голову тому, для кого сама повседневность и есть смысл. А. Иванов показывает в своем произведении, как быт становится для человека практически единственной формой бытия.

– Ненастье – символ **безысходности**. Это внутреннее ощущение человека, который чувствует, что у него нет иного пути, чем тот, что выбрал он или предопределила судьба, хотя этот путь тяжёл и нет «света в конце тоннеля»: «…духовное «ненастье» – это замкнутые круги экзистенции. Для одного героя это его совесть, которая не дает ему смириться со своим бессилием и заставляет ради спасения любимого человека грабить броневик с деньгами. Для другого героя – идея «афганского братства», которая не позволяет ему выйти из борьбы с несправедливостью... Для героини это беда ее бездетности, которая пожирает душу и лишает возможности любить по-настоящему» [15]. Это путь, приводящий в никуда, и человек это чувствует, но иной дороги он не видит, внутренне не принимает самой возможности существования другого пути.

Этот мотив безысходности художественно отражён в **сюжетно-композиционном строе** произведения. В романе нет единой сюжетной линии, так как в повествовании чередуются события двух временных периодов (90-х годов и 2008 года, а один из эпизодов относится ко времени войны в Афганистане). При этом автор постоянно использует **приём забегания вперёд и возвращения назад**. Сначала даётся какая-либо деталь, которая не объясняется, а лишь вызывает догадки, потом же за счёт ретроспекции восстанавливается картина произошедшего. Например, практически в самом начале произведения упоминается о том, что у главного героя был друг Сергей Лихолетов, но он «теперь на Затяге» [12]. Читателю не может быть известно, что с ним произошло, лишь ясно, что он выключен из действия. Только впоследствии вскользь говорится, что Затягой называют кладбище, а ещё позже, ближе к финальной части романа, будет сказано о «заказе» на Лихолетова, который не хотел допустить приватизации местного центра торговли и бизнеса – Шпального рынка. Другой пример: с самого начала говорится о тоске, которая мучает Танюшу, но не объясняется её причина. Далее, при описании леса в Ненастье, упоминается, что Танюша с грустью смотрела на лес, который будет жить вечно, его жизнь будет возобновляться в нём же самом, а ей этого счастья не дано. И лишь ближе к финалу даётся эпизод, из которого ясно, что у Танюши не может быть детей – это и является причиной её глубокой тоски и невозможности счастья.

С помощью такого построения романа автор провоцирует читателя на догадки, как бы предлагая постепенно сложить пазл. С другой стороны, такая сюжетно-композиционная структура создаёт **ощущение предопределённости**: в сознании читателя заранее фиксируется намёк на какое-либо печальное событие (реже – прямое упоминание о нём), а потом картина разворачивается, даётся мотивировка произошедшего. При этом читатель всё время испытывает гнетущее чувство безысходности: драматический или даже трагический итог уже известен. Это чувство **ассоциируется с образом ненастья**, и возникает оно уже при прочтении названия романа, а в особенности – его подзаголовка.

– Подзаголовком романа стал риторический вопрос: *«В каком ненастье ты пропал без вести, солдат?»*. Он выводит читателя к пониманию **ненастья как небытия**: «В своих незримых ненастьях полегли и Серёга Лихолетов, и Егор Быченко, и Каиржан Гайдаржи. Из такого ненастья он, Герман, сейчас выводил Танюшу…» [12]. Именно чтобы дать ей возможность жить по-настоящему, а не угасать тихо и бессмысленно, он решился на ограбление броневика: «Сражайся. Где-то есть выход из ненастья» [12] – так думает Герман об одном из своих товарищей и точно так же поступает сам, причём сражается он не столько за себя, сколько за любимую женщину. Однако её спасает не «земной рай» в Индии, как задумывал Герман, и не деньги, дающие неограниченные возможности, и даже не забота Германа о ней – решающее значение имеет *её отношение* к Герману, которое она полностью осознала лишь в финале, перед лицом потери. Раньше Танюша хотя и любила Германа, но всё же жила собственными проблемами, теперь же она начинает думать прежде всего о нём. Он становится для неё главной ценностью в жизни, когда она понимает, что ему грозит опасность. И слабая женщина вдруг проявляет совершенно несвойственную ей смелость, даже вступает в единоборство с Басуновым, который способен убить её одним ударом. Танюша из безвольной жертвы обстоятельств превратилась в личность, в решительного человека, способного броситься на борьбу за того, кого любит. И, почувствовав эту перемену, Герман подумал о том, что он всё же «увёл из Ненастья» свою Танюшу. Выход из ненастья в том, чтобы понять истинный смысл жизни, решиться изменить и себя, и обстоятельства, и только тогда можно увидеть, в чём счастье и свет. Не случайно вслед за этим эпизодом идёт пейзаж – картина, в которой сосуществуют **по-**

жар и рассвет. Ещё царит «ненастье», тьма небытия и безысходности, но уже начинается воскресенье – это и название дня недели, и символ начала новой жизни.

Горит дом в Ненастье, где прятался Герман, и одновременно заканчивается ночь и уже где-то брезжит утро: «За синими крышами дач, за кронами неурожайных яблонь чёрный небосвод с краю багрово потеплел. Но это был отсвет пожара, а не рассвета. Рассвет разгорался невообразимо далеко от деревни Ненастье – над хребтами Гиндукуша, над побережьем Малабара. Ненастье пока ещё лежало в темноте этой долгой субботы. Хотя на Земле, пусть и очень далеко, всё равно уже началось воскресенье» [12]. С одной стороны, тьма над Ненастьем – символ тёмного начала, которое до сих пор торжествовало над светлым и приводило к тому, что человек «пропадал без вести» в этой тьме. С точки зрения характера отношений между людьми А. Иванов изображает поистине апокалиптическую картину: не осталось никаких этических ценностей, каждый за себя, все друг друга предают, все стремятся к власти и деньгам. Единственным исключением являются Танюша и Герман, для которых ценность имеет лишь любовь. Однако на время даже Герман поддаётся соблазну: запланировав отъезд после ограбления, он всё-таки не может уехать и оставить без присмотра огромные деньги, а в результате Ненастье становится для него «капканом». Но в финальной сцене он освобождается из этого «капкана», выходит из духовного небытия, в котором чуть не «пропал без вести»: он уже не придаёт значения деньгам, а стремится лишь спасти Танюшу. Герман понимает, что неразборчивый в средствах Басунов, стремящийся завладеть деньгами, может использовать её как заложницу. Чтобы это предотвратить, герой раскрывает своё местонахождение – «вызывает огонь на себя». К тому же он отказывается от убийства как способа решения проблем, хотя вроде бы Басунов, выстроивший хитрую ловушку, ставит его в такие условия, что по логике он должен стать убийцей. Из того тёмного небытия, в которое героя привели безнадёжность, ложный выбор и большие деньги, Герман вновь выходит к свету, поэтому и символично, что новый день, наступающий на земле, – воскресенье: заканчивается ненастье, и воскресает свет.

– Ненастье – **символ России**, в которой герой несчастлив, но с которой неразрывно связан. Собираясь уехать, он прощается с Ненастьем, как будто со всей страной: «Прощай, Ненастье. Будет ли он в Индии тосковать по этой застенчивой погоде, по этой грустной прохладе?» [12]. Эта связь героя с маленьким дачным посёлком – она какого-то мистического свойства: Герман, взяв билет на поезд, чувствует, что не может уехать из Ненастья, и всё же возвращается назад, и объясняется это не только нежеланием расстаться со спрятанными там деньгами. Именно **Ненастье ассоциируется для него с понятием дома**, хотя его квартира находится в городе Батуеве. Дача в Ненастье по документам уже продана, но именно здесь Герман устраивает убежище, потому что для героя это своё, привычное, давно знакомое и родное пространство, где ему не страшна опасность, где он переиграет любого врага. Не случайно критика сравнивает Ненастье с деревней, где искал и находил убежище герой романа З. Прилепина «Санькя» [16]. С Ненастьем, таким образом, связано для героя ощущение **границы между своим и чужим пространством**. Об этом свидетельствует и его сон, в котором актуализируются образы трёх топосов, наиболее значимых как для Германа, так и в отношении всей концепции романа. Герою снится сначала Индия, которая стала в его сознании ярким воплощением земного рая, потом Афганистан – в определённом смысле ад, где он пережил страшные времена. А затем – Ненастье. Индия прекрасна, Афганистан страшен – в этом они антитетичны, но есть и нечто общее: и то, и другое – **чужое** пространство, где герой чувствует себя *не дома*, и в этом смысле и Индия, и Афганистан противопоставлены понятию **дома**, некоего родного, своего пространства, каким является для героя Ненастье: «А ещё ему снилось, что он дома, в Ненастье…» [12]. Выглядит посёлок непривлекательно, но там надёжно и безопасно, привычно и уютно: «…углы и рёбра мокрых крыш, лоскуты огородов, крыжовник и яблони, столбы с перекладинами, заборы. Да уж, Ненастье… То ли здесь погибель души, а то ли белый свет без Ненастья – как храм без креста» [12]. Так же и Россия рубежа XX–XXI веков – одновременно **и гиблое место, и святое**: здесь и беззаконие, и стремление к справедливости; здесь и бесчувственность, и глубочайшее чувство; здесь и предательство, и преданность. Как и прежняя Россия, Ненастье вроде бы обречено на гибель: «…по кооперативу «Ненастье» давно летал панический слух, что деревню будут сносить ради какого-то строительства» [12], но посёлок всё же стоит, и лес вокруг живёт – и так же, несмотря ни на что, живёт страна.

Образ Ненастья включает в себя ещё одну важную составляющую – **связь человека с землёй как с истоком жизни.** Отечественной литературой (в особенности «деревенской прозой») это «притяжение земли» всегда осознавалось в качестве русского **национального нача-**

ла и было частью национальной судьбы. В романе А. Иванова эту связь ощущают не только главные герои. Даже сестра и мать Танюши, изображённые как воплощение бездуховности и мещанского хамства, стремились в Ненастье, хотя могли купить овощи и фрукты на рынке: «Но огород в Ненастье им был нужен не для продуктов, не для экономии, не для экологии. Наверное, в оборзевших бабах так выживала душа – выживала в древней и родовой тяге к земле. Крестьянское счастье страды и урожая было настоящим и божеским. Ненастье с его огородными заботами успокаивало и исцеляло» [12]. Таким образом, в Ненастье можно увидеть символ той «почвы», от которой идёт национальное, родовое, и эта интуитивная связь с «почвой» коррелирует с чувством родины, которое живёт в человеке на подсознательном уровне и даёт ему ощущение дома.

В целом можно сказать, что название романа А. Иванова «Ненастье» соотносится с важнейшими его мотивами, а именно с мотивами национальной судьбы, родины, жизни и смерти, смысла бытия, достижимости или недостижимости мечты. Писателю удалось в названии произведения выразить и эмоциональное состояние героев, и важнейшие концептуальные идеи, определяющие авторскую интенцию.

Список литературы

1. Бабичева Ю.В. Поэтика заглавия // Вестник ТГПУ. Сер. Гум. науки (Филология). 2000. № 6. С. 61–64.

2. Гинзбург Л.Я. О поэтике заглавия // Лингвистика и поэтика: Сборник статей. М. 1979. С. 309–316.

3. Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: Структура, функции, типология (на материале русской прозы XIX–XX вв.): Дис... канд. филол. наук. М., 1986. 288 с.

4. Кремнева А.В. Роль заглавия в понимании смысла художественного текста // Текст: структура и функционирование. Барнаул, 2000. Вып. 4. С. 86–92.

5. Ламзина А.В. Заглавие // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / Под ред. Л.В. Чернец. М., 1999. С. 94–107.

6. Веселова Н.А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика: Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. 236 с.

7. Джусупов Н.М. Когнитивно-стилистический подход к исследованию заголовка художественного текста (на материале англоязычной художественной прозы) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2. С. 47–61.

8. Агеева Ю.П. Заголовочно-финальный комплекс как формообразующий элемент в поэтике прозаических микроциклов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 1. Т. 124. С. 255–264.

9. Кундаева Н.Н. Заголовочно-финальный комплекс как жанровомаркирующий элемент в импрессионистском тексте // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 2. Т. 2. С. 16–25.

10. Тернова Т.А. Заголовочно-финальный комплекс сборника Б. Земенкова «Стеарин с проседью. Военные стихи экспрессиониста» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1 (1). С. 316–321.

11. Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931. 32 с.

12. Иванов А. Ненастье. М.: АСТ, 2015. 640 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.litmir.me/bd/?b=248027 (дата обращения: 21.04.2017).

13. Ноговицын Г. Несчастное «Ненастье» Алексея Иванова [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zvzda.ru/articles/730f0d5ac765 (дата обращения: 18.11.2016).

14. Фочкин О. «Ненастье – это экзистенциальная западня». Интервью с Алексеем Ивановым [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://chitaem-vmeste.ru/interviews/nenaste-eto-ekzistentsialnaya-zapa-2/ (дата обращения: 20.04.2017).

15. Иванов А. России неинтересно знать, как она устроена: Интервью «Газете.Ru» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/culture/2015/04/21/a_6649197.shtml (дата обращения: 18.11.2016).

16. Данюшин С. Иванов на остановке [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://homo-legens.ru/2015_2/kritika/sergey-danyushin-ivanov-na-ostanovke/ (дата обращения: 20.04.2017).

SYMBOLISM OF THE TITLE OF A. IVANOV'S NOVEL «FOUL WEATHER»

O.S. Sukhikh

We examine the title of A. Ivanov's novel «Foul Weather» as an informative symbolic «code». The purpose of the study is to analyze the semantic facets of the image of Foul Weather. The author argues that this image carries a variety of symbolic meanings: the unsettled state of the characters, the unattainability of the dream, the habitual order of life, the state of despair, non-existence; at the same time, it is also a symbol of Russia. These semantic facets of the image of Foul Weather are intertwined with the most important motifs of the novel, they interact with the images of the main characters and contribute to their more profound characterization. This work can be used in teaching literature of the early 21st century.

Keywords: A. Ivanov's novel «Foul Weather», symbol, chronotope, motif, plot.

References

1. Babicheva Yu.V. Poehtika zaglaviya // Vestnik TGPU. Ser. Gum. nauki (Filologiya). 2000. № 6. S. 61–64.

2. Ginzburg L.Ya. O poehtike zaglaviya // Lingvistika i poehtika: Sbornik statej. M. 1979. S. 309– 316.

3. Kozhina N.A. Zaglavie hudozhestvennogo proizvedeniya: Struktura, funkcii, tipologiya (na materiale russkoj prozy XIX–XX vv.): Dis... kand. filol. nauk. M., 1986. 288 s.

4. Kremneva A.V. Rol' zaglaviya v ponimanii smysla hudozhestvennogo teksta // Tekst: struktura i funkcionirovanie. Barnaul, 2000. Vyp. 4. S. 86–92.

5. Lamzina A.V. Zaglavie // Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponyatiya i terminy / Pod red. L.V. Chernec. M., 1999. S. 94–107.

6. Veselova N.A. Zaglavie literaturno-hudozhestvennogo teksta: ontologiya i poehtika: Dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 1998. 236 s.

7. Dzhusupov N.M. Kognitivno-stilisticheskij podhod k issledovaniyu zagolovka hudozhestvennogo teksta (na materiale angloyazychnoj hudozhestvennoj prozy) // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2013. № 2. S. 47–61.

8. Ageeva Yu.P. Zagolovochno-final'nyj kompleks kak formoobrazuyushchij ehlement v poehtike prozaicheskih mikrociklov // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2014. № 1. T. 124. S. 255–264.

9. Kundaeva N.N. Zagolovochno-final'nyj kompleks kak zhanrovomarkiruyushchij ehlement v impressionistskom tekste // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2012. № 2. T. 2. S. 16–25.

10. Ternova T.A. Zagolovochno-final'nyj kompleks sbornika B. Zemenkova «Stearin s prosed'yu. Voennye stihi ehkspressionista» // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. № 1 (1). S. 316–321.

11. Krzhizhanovskij S.D. Poehtika zaglavij. M.: Nikitinskie subbotniki, 1931. 32 s.

12. Ivanov A. Nenast'e. M.: AST, 2015. 640 s. [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.litmir.me/bd/?b=248027 (data obrashcheniya: 21.04.2017).

13. Nogovicyn G. Neschastnoe «Nenast'e» Alekseya Ivanova [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://zvzda.ru/articles/730f0d5ac765 (data obrashcheniya: 18.11.2016).

14. Fochkin O. «Nenast'e – ehto ehkzistencial'naya zapadnya». Interv'yu s Alekseem Ivanovym [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://chitaem-vmeste.ru/interviews/nenaste-eto-ekzistentsialnaya-zapa-2/ (data obrashcheniya: 20.04.2017).

15. Ivanov A. Rossii neinteresno znat', kak ona ustroena: Interv'yu «Gazete.Ru» [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.gazeta.ru/culture/2015/04/21/a_6649197.shtml (data obrashcheniya: 18.11.2016).

16. Danyushin S. Ivanov na ostanovke [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://homolegens.ru/2015_2/kritika/sergey-danyushin-ivanov-na-ostanovke/ (data obrashcheniya: 20.04.2017).